

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т Я Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

Затем, и в китайской синологии найдутся толкования на Лао-цзы, и Чжуан-цзы, над которыми Ху Ши, если бы был вполне беспристрастен, мог бы только посмеяться (взять хотя бы варианты чтения первой главы Лао-цзы!). Найдутся также критики поэтов, которых образованный по-европейски ум точно так же отказался бы признать за нечто иное, чем „дерзость“. Я не говорю уже о попытках китайского же перевода китайских классиков на слышимый язык, давших в результате регулярную банальность, которая лишь вариант не-лестностей и ошибок, а ведь перевод китайского древнего текста на современный английский язык можно, до некоторой степени, сопоставить с таким переводом! Значит, люди, переоценивающие свои силы, существуют не только среди европейских сиологов, и очень жаль, что это Ху Ши непонятно.

Наконец, введение в справедливую по существу реплику слова „иностранцы“ (foreigners), в связи с общими презрительными отзывами о европейских сиологах, или демонстративным молчанием о научных достижениях европейской синологии, естественным продолжателем которой является и сам Ху Ши, вынуждает сказать два слова по поводу этого странного отношения автора книги к научной действительности.

Как уже верно указал проф. Пэлло, заслуга синологии, иностранной науки о Китае, уже в том, что молодые китайцы, и вместе с ними сам Ху Ши, желающие сказать новое слово в синологии, получили к этому и стимул, и возможность, и даже самый словарь от европейцев, которые извлекли Китаеведение из местной оболочки и вовлекли его в мировую науку, открытую критicismу и поиску всех и всякого.

Затем она указала и долго еще будет указывать китайцам пути исследования чуждых им культур на основах бескорыстного знания и понимания человека человеком. И раз китайцы доселе не могут выставить европейцев типа китанстов Рэмюза, Жюльена, Васильева, им следовало бы начать с уважения к этим последним, хотя бы в принципе.

Все эти соображения, касающиеся, собственно, тона реплики более, чем ее существа, могут быть, мне кажется, полезными молодому ученому, который, как все известные мне его американизованные коллеги, по молодости лет, порывисто вступает в борьбу со своими отцами и друзьями, которых, несомненно, научится ценить и, надеюсь, не в далеком будущем.

В. А.

◆ *Чжун Го Цзинши Тушунань Сун Юань бэнь шу ши* (кит. иерогл.). Reproductions of the Ancient Books and Manuscripts of the National Library, Peking, China. s. d.—Рукописи эпох Сун и Юань в Пекинской Библиотеке.

„Китайская стена“, вошедшая в поговорку, была, действительно, странным, разобщающим миры Востока и Запада средством, хотя, конечно, речь идет не о развалинах стены, через которые европейцы перебирались благополучно или просто миновали их. Стена разобщения миров заключалась в том, что европейцам с великим трудом удавалось узнавать о Китае в самом Китае. Все лучшие учителя не обшались с европейцами, считая их неспособными что-либо понять из области китайской культуры, особенно ее верхов. Все лучшие книги, спрятанные даже от китайцев, тем более были спрятаны от пытливых европейцев. Последним, поэтому, приходилось питаться крохами: издавать классиков без филологического аппарата, ибо старых изданий и рукописей они не видали, и вообще переводить по первому — чаще всего единственному — попадающему в руки изданию.

Раскопки и находки Штейна и Пэлло, явившиеся неожиданными и для самих китайцев, а также и вообще дух молодого Китая, стремящийся к международному сближению, особенно на почве науки, пробили в ужасной стене брешь, и теперь мы вдруг видим неслыханные доселе богатства китайских залежей, стремящихся выйти на свет. Получается, что то причудливое положение дел, при котором для широкой информации и открытого научного пользования Китаеведною литературой нужно было ехать в Париж и Лондон, теперь круто изменилось и, наконец, пришло к норме, так что в Китай теперь надо ехать учиться не только языку, как инструменту знания, но и языку культуры, горящему несметными рядами первоклассных книг.

Альбом, о котором речь, представляет собой 40 фоторепродукций наиболее замечательных старых рукописей и старых ксилограмм, хранящихся в Национальной Библиотеке Пекина, которая, состоя из 500.000 книг, в том числе 8.000 рукописей и 20.000 старых, первопечатных изданий (X — XIII в.в.), является, вероятно, первую во всем Китае, а тем более среди коллекций Европы, которая, может быть, иногда богаче отдельными материалами (Париж), но конечно, не может спорить с Китаем их количеством и выбором. Наконец, пресловутый ex oriente lux светит и ориенталистам.

Судя по тому, что альбом состоит из наклеек - фоторепродукций и рукопис-

ных к ним примечаний, он не предназначен для продажи, и его нахождение в Британском музее — привилегия почетного учреждения. Альбом заключен в роскошный шелковый, тканый переплет.

К сожалению, первопечатными изданиями альбом не блещет, так что Serindia Штейна пока незаменима.

Лондон, 3 августа 1923 г. В. Ал.

◆ *Pakenham-Walsh, W. S., M. A. Principal of Trinity College, Foochow. — The Preparation for Christ in the Chinese Classics. („Church Miss. Review“, Dec. 1921.)*

Политика христианских миссионеров всегда одна и та же. Она является верным отражением самого существа христианства, как комментаторства к загадочным текстам ветхого завета, сияющего обратиться каждую букву в пророчество о Христе. С прибытием миссионеров в Китай, этой операции должны были подвергнуться и китайские классики. Однако трудность их усвоения и обращения с текстом отпугивала очень многих, и только теперь языки развязываются, и христианская пропаганда предьявляет многострадальному и без того китайскому тексту классиков новое испытание. Теперь, как видно из этой брошюры, берется самое существо учения Конфуция о пути совершенного человека и об этом самом идеальном типе — личности, подвергается христианскому объяснению, и этим привлекаются сердца паствы, польщенной вниманием европейцев к их старозаветным учениям.

Для более или менее знакомого с китайскими классиками дело ясно: термин дао — путь, — хотя приурочить к логосу и все учение о „совершенном“ (шэн) приурочить к Христу. Для этого почтенный миссионер поступает так. Учение о „совершенном“ не могло быть, как известно, приложено к самому Конфуцию, ибо он от этого термина для себя всячески открещивался. „Еще бы, — восклицает пастор, — ведь мы должны же знать, что китайцы в ту пору оставались в неведении о том единственном идеальном существе (которое мы проповедуем) и что Конфуций, вероятно, лишь подходил к идеалу, им же проповеданному! И мы тоже, если бы не знали Христа и тайны воплощения, мы тоже пренебрегли бы его скромностью и стали бы ему приносить жертвы, толь-в-точь как сами китайцы!“

Это сослагательное наклонение — прием иезуитский, действие которого на паству пишущему неизвестно. Но миссионер убежден в том, что новые китайцы, покончив с Конфуцием во имя новой, европейской цивилизации, пойдут к Христу, и Иоанну-евангелисту останется лишь

ухватиться за это искание истины, изложенное (в кит. классиках) темно и туманно, и снова крикнуть этой восточной пробуждающейся нации: „В начале бе слово, и слово бе к богу и бог бе слово. ...В нем живот бе и живот бе свет чело-веком“ и т. п.

Неизвестно, что этот крик принес бы теперь, когда от автора потребовали бы комментария, уже не „темного и туманного“, а точного. Но удивительно, что до сих пор миссионеры не могут найти ничего более тактичного и умного, чем давать экстравагантный комментарий обрывкам текста китайских классиков, рискуя быть поднятыми на смех читателями, не абонированными на „Миссионерское Обозрение“. Миссионеры ничего не забыли и ничему не научились, хотя бы от своего собрата Лэга, переводчика „китайских классиков“.

31 июля 1923 г.

В. Ал.

И Н Д И Я

◆ *Emil Schmidt (†). Geschichte Indiens. Erneut durchgesehen von R. Schrader. Mit 28 Abbildungen auf 8 Tafeln und 1 Kartenbeilage. Leipzig, 1923. Bibliographisches Institut. Стр. 8 + 219 т. 8^о. — История Индии.*

За последнее время начали появляться в большом количестве истории Индии, отвечая тому интересу, который вызывает к себе эта страна, которую принято считать страной „религии“ по преимуществу. Недостаточная проработка первоисточников специалистами имеет, к сожалению, печальное последствие: специалистам приходится на разные лады повторять одно и то же, и все многочисленные истории Индии последних лет повторяют приблизительно по одному плану те же избитые общие места, не давая настоящего представления о сложной и богатой культуре Индии.

К числу таких книг относится и разбираемая „История Индии“. В ней прежде всего поражает несоразмерность частей: первая часть, говорящая о домусульманской Индии, т. е. о том периоде, когда сложилась индийская культура, одна из величайших мировых культур, занимает в книге всего 79 страниц, включая сюда и географический, и этнографический обзор страны, т. е. меньше трети книги (на мусульманский период менее 40 страниц, на европейский, наименее для Индии характерный, 75 страниц и 24 страницы, почему-то отдельно, Цейлону). Невольно спрашиваешь себя, что могло побудить автора к такому странному и непонятному построению книги?